

Никита Юрьевич Брагин родился в 1956 году в Москве. Окончил Московский государственный университет. Доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Геологического института РАН. Автор большого количества научных работ по геологии и палеонтологии, а также шести поэтических книг. Публиковал стихи в московских и зарубежных журналах. Победитель ряда творческих литературных конкурсов в интернете. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Никита Брагин

ПРЕДЗИМНИЙ ЗАКАТ

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Золотые шары
уходящего русского лета,
сколько помните вы
о бревчатых ветхих домах,
о земле огородов,
о старых как сказки монетах,
о трубе самовара,
об искрах, летящих впотьмах,
обо всем, что созрело,
и дышит вином и прохладой,
и как будто бы шепчет
в усталой сентябрьской листве —
не лети, не спеши,
нам еще почаевничать надо
на привольной Угре,
на неслышной и сонной Протве.

Я хочу говорить
о тебе, остающейся рядом —
даже в годы потерь,
даже в черном ознобе разлук,
в перекрестья решеток
согбенными кронами сада
ты шептала и пела,
и теплился солнечный круг
на ладонях, на сердце,
в мечте, в озарении, в слове —
золотым, настоящим,
лучистым как солнце цветком,

светозарным поклоном,
закатом в огне и любви,
и горючей слезой,
и прощальным осенним костром.

ДАВНЕЕ

Я возвращаюсь в далекий вечер,
где месяц молод и голос тонок,
где лампы лучик плывет навстречу
и тихо плачет больной ребенок.

Я припадаю к дыханью дома,
где летний дождик стучит по крыше,
и тень родная, так невесомо
склоняясь, шепчет, и сердце слышит

о том, что было и что настанет,
о нашей вере и нашей доле,
о том, что счастье нас не обманет,
но и не сможет укрыть от боли.

ДЫХАНИЕ ЯБЛОК

Слов осенняя зрелость
подобна дыханию яблок,
что вот вот опадут
и насытят сырую землю —
дай, еще повторю,
и отчалит легучий кораблик,
и к заморским краям
полетят беспокойные птицы.
Мне же здесь оставаться
хранителем горького сока,
заточенного в памяти,
в темных подземных пластах,
в самородной мечте
и в тоске, словно полночь, высокой,
в огнецветных кристаллах
и ветхих поклонных крестах.

Это твердь и огонь
обращаются кровью и плотью,
зреют правдой запретной,
горючей слезой набегают,
то вот вот обовьются
упругой и жалящей плетью,
то вот вот задрожит
стебелька сердцевина нагая...

Это вечная музыка
вышла на свет из темницы
и щебечущей птичкой
сидит у тебя на руке...
Вулканический пепел
смахни с пожелтевшей страницы
и святые слова
прочитай на своем языке.

ПРЕДЗИМНИЙ ЗАКАТ

Моих воспоминаний бабушка
сюда приходит каждый вечер
и кормит синего воробушка,
а мне и поделиться нечем.
На полмизинца горьким вермутом
предзимье у души в поддоне —
укутан облаками Лермонтов,
и скомкан Пастернак в ладони.

Вся алость холода закатного
и терпкий чай опавших листьев,
как банка рыжиков, закатаны
и дремлют в лапнике смолистом,
и погружаешься в убежище
цепочкой слова, пульсом духа,
и отступает холод режущий,
и в глубине тепло и сухо.

И не посмертие мне грезится
на бесконечной карусели,
а просто нищая поэзия
блуждает по ветвям артерий,
и опадают клочья белые
на замершую ткань души,
и все слышнее — что ты делаешь?
Проснись, почувствуй, расскажи.

АЛЕНУШКА

Небес отучневшее брюхо
все лето дождем истекало,
и зелень винного духа
трещину в сердце искала,
и утро было как вечер,
а дни как сумерки длились,
и смерть с ночами делили
по мере тоски человеческой.

Ручьями радуги плыли,
и лужи цвели зеркалами,
дремало в сырой могиле
полудня светлое пламя,
молитвы творили монахи,
и вторили им мещане,
вожди разражались речами,
но всех уравниали страхи!

И все про себя шептали:
когда ожидать потопа,
союза крови и стали
на площадях и в окопах?
Кляли природу и власти,
прошлое поминая,
и память плелась, больная,
сквозь горести и напасти.

А где то в русском раздолье
среди земляники алой,
плача последней болью,
Аленушка умирала!
Вьюнки пеленали рану,
вились по крови и стали,
и в гуще трав и бурьяна
кузнечики стрекотали...

ПОСЛЕДНИЙ ТРАМВАЙ

Не веди меня на пиршества,
на поклон медам грядущим,
не зови хмельными виршами
развлекать гостей жующих;
между символом и сущим
пустословие сотри,
чтобы пели в райских куцах
алконосты — до зари,

до пожара, где расплавится
звездно снежное цунами,
и сгорит кометы палица,
занесенная над нами,
и укроет пеленами
долгожданная роса,
и родными именами
отзовутся голоса.

Это главное, а прочее
пусть гурманы допивают,
золотые многоточия
запекая в караваи...

До последнего трамвая
пять минут и пять шагов,
да зарница грозовая
у блаженных берегов.

НА КРАЮ

Я не скажу тебе о гибели,
уже стоящей у дверей,
я умолчу, что страхом выбелен
простор до северных морей,
и ввек не захочу опомниться
и зашататься, став на край
обрыва, где слепая конница
влетает в разоренный рай...

И если значит апокалипсис
не Откровение, но смерть,
я не хочу смотреть, как скалится
над нами костяная жердь!
Мы живы, и у счастья нашего
нет ни затворов, ни ворот,
но ни минуты дня вчерашнего
никто у нас не отберет.